

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. КАНТА
Олимпиада школьников «Будущее с нами»

II этап
2016 / 2017 учебный год

Литература
9 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 235 минут (3 часа 55 минут)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературных терминов. Вам предлагается словарная статья. Восстановите пропуски, стараясь раскрыть суть литературного термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

ПОСЛАНИЕ — лирический жанр, в котором воплощается ситуация письменного (реже — устного) диалога с условным или реальным адресатом. Один из древнейших жанров, в котором, как правило, высказывается суждение по какому-либо важному для пишущего вопросу. Послание активно используется уже в античной и средневековой литературе, время расцвета в европейской литературе — классицизм XVII—XVIII вв., в русской литературе

Главным признаком послания как жанра является

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте отрывок из статьи Н.М. Карамзина «Что нужно автору?». Представьте себя в одной из ролей НА ВЫБОР: а) Г.Р. Державина, б) И.А. Крылова, в) А.Н. Радищева — и напишите ПИСЬМО-ОТВЕТ Н.М. Карамзину, обосновывая отношение к его позиции с учетом избранной роли, привлекая необходимые историко-литературные факты и отсылая к произведениям избранного вами автора. *Рекомендуемый объем письма — 6—8 предложений.*

«Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей; если хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим; если хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златую одежду пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя <...>

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; если не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет его наградою.

Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? — Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного чело-веколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие» (Н.М. Карамзин. *Что нужно автору?*, 1793(94)).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли журналиста, у которого есть возможность взять *интервью* у любого русского писателя первой половины XIX века, и выполните следующие задания.

Часть 1. Какого писателя вы бы выбрали? Обоснуйте свой выбор: чем интересен вам именно этот писатель? почему, на ваш взгляд, его персона вызовет интерес у читателей журнала, который вы представляете? каково его значение для литературы своего времени? Представьте в виде небольшого эссе (8—10 предложений) обоснование своего выбора.

Часть 2. Придумайте заголовок и вступительную часть (лид) интервью.

Часть 3. Напишите небольшое (10 вопросов и ответов) воображаемое интервью с выбранным вами писателем. Старайтесь формулировать вопросы интервьюера и ответы интервьюируемого таким образом, чтобы интервью позволило раскрыться вашему собеседнику и одновременно было интересно вашим воображаемым читателям. Ориентируйтесь в построении интервью на языковые и стилевые особенности той эпохи, к которой принадлежит выбранный вами писатель.

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного (прозаического или поэтического — *на выбор*) текста.

Выполните Задание 4 в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
--

АЛЕКСАНДР ГРИН

Рука

I

За окнами вагона третьего класса моросил тусклый, серенький дождь, и в запотевших дребезжащих стеклах окон зелень березовых рощиц, плывущих мимо в тревожном полусвете раннего утра, казалась серой и хмурой. Струились линейки телеграфных проволок, то поднимаясь, то падая вниз медленными ритмическими взмахами. Сонный и сосредоточенный, Костров провожал взглядом их черные линии, изредка закрывая глаза и стараясь определить в это время по стуку рельсов, когда нужно взглянуть снова, так, чтобы белые чашечки изоляторов пришлись как раз против окна. После бессонной, неуютно проведенной ночи это доставляло некоторое развлечение.

Забываясь он старался от самой Твери, но безуспешно. Хлопали двери, и тогда струйки ночного холода ползли за шею, раздражая, как прикосновение холодных паль-

цев. Или в тот момент, когда Костров начинал засыпать, шел кто-нибудь из кондукторов, задевал ноги Кострова и уходил, тяжело стуча сапогами. А за ним убегала и легкая вспугнутая дрёма.

Кроме этого, бессонное настроение, овладевшее Костровым, поддерживалось и росло в нем той смутной, тревожной боязнью не уснуть, которая с каждым звуком, с каждым движением тела усиливается все больше, пугая бессилием человеческой воли и досадным сознанием зависимости от внешних и чуждых причин. Он долго ворочался, курил, считал до ста, с раздражением замечая, что это еще более сердит и волнует его, и, наконец, решил, что уснуть в эту ночь — вещь для него невыносимая. Неизбежность, сознавая им, несколько успокоила расхолодившиеся нервы. Поднявшись со скамьи, он сел у окна и, глядя в холодную темноту ночи, стал курить папиросу за папиросой, тщательно отгоняя дым от женщины, лежавшей против него.

II

Когда она села в вагон, Костров не заметил. Должно быть, в то время, когда неверный, капризный сон на мгновение прикинул к его изголовью, чтобы затем снова растаять в певучем стуке и ропоте вагонных колес. Она лежала, плотно укрытая шалью, в спокойном, крепком сне, милая и грациозная, как молодая кошечка. Лицо и фигура ее дышали нежной детской доверчивостью существа юного в жизни телом и духом. От сонных движений слегка растрепались темные, пушистые волосы, закрывая змейками прядей висок с прозрачной голубоватой жилкой на нем и маленькое раскрасневшееся ушко. Грудь дышала ровно и глубоко, а руки, сложенные вместе, лежали под щекой на белой кружевной наволочке высокой пышной подушки.

Костров некоторое время с завистью и уважением смотрел на человека, сумевшего так безмятежно забыться в сутолоке и неудобствах третьего класса. Папиросу он держал правой рукой, а левой настойчиво отгонял дым, ползущий мутными струйками к тонкому чистому профилю маленькой девушки, лежащей перед ним. Что она — девушка, Костров решил сразу и перестал думать об этом.

Она спала, спала крепко, но дым от папиросы мог потревожить ее и разбудить. Поэтому, не решаясь, с одной стороны, лишиться себя удовольствия, а с другой — причинить неприятность юному существу, Костров, торопливо и сильно затягиваясь, дососал папиросу, потушил ее и бросил на пол.

Вагон, стремительно раскачиваясь, неся вперед, дребезжали стекла, дождь барабанил в железо крыши, но кругом, в красноватой полутьме грязного помещения, спали все, кроме Кострова. Спал толстый купец в шерстяном английском жилете и сапогах бутылками; спал, свернувшись калачиком, железнодорожный чиновник, отчего зеленые канты его тужурки казались ненужными и бесполезными украшениями; спала женщина в ситцевом платке, с корзиной под головой, спала девушка.

III

Было бы странно и сложно, если бы в городе, в шаблоне и устойчивости человеческих отношений, около спящей, незнакомой женщины очутился бодрствующий, незнакомый ей мужчина и, сидя в двух шагах расстояния, пристально смотрел в лицо спящей. Но здесь, в дороге, теплое, немного сентиментальное чувство к молодому сну девушки-полуробенка, такое естественное, несмотря на искусственно созданную близость, казалось Кострову только хорошим и нежащим. Молодой, сильный мужчина непременно воспрепятствует всему, что могло бы нарушить покой женщины, уже в силу того только, что она спит, а он нет. И сознание этого, логичное в данном положении,

тоже было приятно Кострову. Тем более приятно, что девушка симпатична и привлекательна.

Он ласково усмехнулся и закинул ногу на ногу, стараясь не ударить сапогом о скамейку; отяжелевшие, полузакрытые глаза его с удовольствием отдыхали на мягких линиях маленького сонного тела, такого милого и спокойного в стремительном шуме ночного поезда. Одиноким и полусонным, Костров размышлял о том, что он женат и едет с молодой женой в далекое путешествие. Жена его — вот эта самая девушка; она тихо спит, счастливая близостью любимого человека. Пройдет минута, две; в сонных движениях раскроется ее шея, шаль будет скользить все ниже, на пол, открывая ночной свежести шею и грудь. А он подойдет и тихо, стараясь не разбудить ее, поднимет шаль и снова укутает милое спящее существо, греясь сам от заботы и нежных ласковых движений своей души. А когда она проснется, открывая сперва один, потом другой глаз, — солнечный свет ударит в них и засмеется в глазах, добрых, знающих его, верных ему.

Девушка спала, изредка шевеля губами, пухлыми и влажными, как росистые бутонны. Взгляд Кострова остановился на них, и что-то детское усмехнулось в нем, как струна, задетая веселой рукой.

Глубоко вздохнув и поджимая ноги, пассажирка выпростала одну руку из-под щеки, и она, медленно скользнув по краю скамейки, тяжело свесилась вниз. Бессознательно избегая неловкого положения, рука согнулась в локте, но усилие было слабо и, уступая тяжести, она снова упала в воздух. Так повторилось несколько раз, но сон был, очевидно, слишком крепок, чтобы девушка могла проснуться немедленно и освободить руку.

IV

Костров с жалостью следил за беспомощными, сонными движениями соседки. Пройдет минута, две, усилится чувство неловкости, и девушка проснется и, быть может, уже не заснет снова, а будет сидеть, как и он, с тяжелой, неотдохнувшей головой, хмурая и раздраженная.

Осенняя ночь бежала, цепляясь за вагоны, дрожала в окнах черным лицом и блестяла таинственными, мелькающими огнями. Костров нерешительно нагнулся и тихо, бережно, ладонью приподнял руку девушки. Она была тяжела и тепла. Но когда он хотел согнуть ее и уложить на скамейку, непонятное, стыдливое чувство остановило его и выпустило руку девушки. Она могла проснуться, по-своему истолковать его услугу и, быть может — обидеться. Теплота ее чужая теплота, он не имел права заботиться.

«В чем дело? В чем, в сущности, тут дело? — сказал себе Костров, закуривая новую папиросу и усиливаясь понять ту, несомненно существующую между ним и ею преграду, которая мешала оказать маленькую дружескую услугу сонному человеку. — Я вижу, что ей неловко так. Я хочу избавить ее от этого — прекрасно. Но почему это плохо? Почему это может вызвать недоразумение и, в худшем случае, появление оберкондуктора? Для меня ясно одно: что сделать этого я не вправе, да и она, несомненно, не думает иначе. Но почему?»

Ответ сам просился на язык, ответ, заключавший в себе слова: «это было бы странно»... а за ними глупую и подлую логику жизни. Но Костров сознательно гнал его и думал только о данном положении. А здесь мысль загонялась в тупик и вертелась, как мельничное колесо, — на месте.

«Когда она проснется — ей-богу, спрошу... Это любопытно... Спрошу: приятно ли было бы вам, что незнакомый человек поправит какую-нибудь неловкость в вашем положении во время сна?»

Он смотрел на ее свесившуюся, со вздувшимися на кисти жилками, руку, и в душе его шевелилось прежнее желание: уложить ее удобно и прочно. Помявшись еще несколько мгновений, Костров вдруг покраснел и, чувствуя, что сердце забилось сильнее, спокойно и твердо взял в свою большую сильную руку теплые сонные пальцы девушки, положил их на подушку и слегка прикрыл шалью. И, сделав это, испуганно оглянулся; но все спали.

Теперь он уже хотел, чтобы соседка его проснулась, и с уверенностью ожидал этого. Она проснулась в ту же минуту. К лицу Кострова поднялся взгляд широко раскрытых, карих, еще не соображающих глаз. Костров нагнулся и, спокойно выдерживая взгляд, сказал:

— Сударыня, я...

— А? Что? Зачем?.. — сонно и тревожно заговорила девушка, слегка приподнимаясь и сиюсь понять, что хочет он от нее этот большой, серьезный человек.

Костров повторил, не торопясь, твердым голосом и стараясь вложить как можно больше искренности в свои слова:

— Сударыня, я заметил, что во время сна ваша рука приняла неудобное положение, и поправил ее... Если вы рассердитесь на меня за это — я буду глубоко опечален, потому что я хотел только сделать вам удобнее и больше ничего...

Он перевел дух.

— Вот пустяки, — сказала девушка, успокаиваясь и снова кладя голову на подушку. — Стоило вам беспокоиться... Спасибо.

Через несколько мгновений она уснула опять. Костров сидел, курил, слегка стыдясь чего-то и чувствуя себя немного мальчишкой.

Серенький рассветный дождь царапал окно, тихо струилась, подымаясь и опускаясь, телеграфная проволока. На целый день у большого, бессонного человека явилась, рожденная счастливой случайностью, маленькая вера — вера в силу искренности.

(1908)

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА ДОЖДЬ И САД

В окне, как в чуждом букваре,
неграмотным я рыщу взглядом.
Я мало смыслю в декабре,
что выражен дождем и садом.

Где дождь, где сад — не различить.
Здесь свадьба двух стихий творится.
Их совпадение разлучить
не властно зренье очевидца.

Так обнялись, что и ладонь
не вклинится! Им не заметен
медопролитный крах плодов,
расплющенных объятьем этим.

Весь сад в дожде! Весь дождь в саду!
Погибнут дождь и сад друг в друге,
оставив мне решать судьбу
зимы, явившейся на юге.

Как разниму я сад и дождь
для мимолетной щели светлой,
чтоб птицы маленькая дрожь
вместилась меж дождем и веткой?

Не говоря уже о том,
что в промежуток их раздора
мне б следовало втиснуть дом,
где я последний раз бездомна.

Душа желает и должна
два раза вытерпеть усладу:
страдать от сада и дождя
и сострадать дождю и саду.

Но дом при чем? В нем все мертво!
Не я ли совершила это?
Приют сиротства моего
моим сиротством сжит со света.

Просила я беды благой,
но все ж не той и не настолько,
чтоб выпрошенной мной бедой
чужие вышибало стекла.

Всё дождь и сад сведут на нет,
изгнав из своего объема
необязательный предмет
вцепившегося в землю дома.

И мне ли в нишей конуре
так возгордиться духом слабым,
чтобы препятствовать игре,
затеянной дождем и садом?

Не время ль уступить зиме,
с ее деревьями и мглою,
чужое место на земле,
некстати занятое мною?

(1967)

Количество баллов: 20.

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. КАНТА
Олимпиада школьников «Будущее с нами»
II этап
2016 / 2017 учебный год

Литература
9 класс

II тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание. Напишите краткое литературоведческое исследование на тему «**Царство насекомых в русской поэзии: темы, мотивы, образы**». Используйте при построении собственной научной концепции предложенные тексты, а также самостоятельно выбранные примеры.

Количество баллов: 35.

КУЗНЕЧИК

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любяся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, все с тобой.
Земледельцов по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству,
Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми Музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земле ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты Пийт!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен, —
Мой кузнечик, — ты Богом!

Г.Р. Державин, 1802

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;

Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

И.А. Крылов, 1808

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

*Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.*

Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** — божия коровка,
Вот**** — злой паук,
Вот и** — российский жук,
Вот ** — черная мурашка,
Вот ** — мелкая букашка.
Куда их много набралось!

Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

А.С. Пушкин, 1830

ПЧЁЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несущу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит:
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

А.А. Фет, <1854>

МИЛОМУ ДРУГУ

Ну, поскрипи, сверчок!
Ну, спой, дружок запечный!
Дружок сердечный, спой! Послушаю тебя –
И, может быть, с улыбкою беспечной
Припомню всё: и то, как жил любя,

И то, как жил потом, счастливые волненья
В душе измученной похоронив навек,
А там, глядишь, усну под это пенье.
Ну, поскрипи! Сверчок да человек –

Друзья заветные: у печки, где потеплей,
Живём себе, живём, скрипим себе, скрипим
И стынет сердце (уголь в сизом пепле),
И всё былое - призрак, отзвук, дым!

Для жизни медленной, безропотной, запечной
Судьба заботливо соединила нас.
Так пой, скрипи,
шурши, дружок сердечный,
Пока огонь последний не погас!

В.Ф. Ходасевич. 8 августа 1911

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человешь
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

И.А. Бунин, 26.VII.1916

БАБОЧКА (*Vanessa aniiopa*)

Бархатно-черная, с теплым отливом сливы
созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых
зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая
рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликують они, как мерцают божественно!

Скажешь:
голубоокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, о, здравствуй, греза березовой
северной рощи!
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном
свиданье,
крылья узнаю твои, этот священный узор.

В.В. Набоков. 1917-1922

СТРЕКОЗА

Исполнен
Зова —
— Я...

Листами
Вырезными —
— Свесится —

— Березовая
Тень...

Перловый
Пень —
Лозы —
— Омолненный
В пересиявший —
— День...

Переливными
Хрустальными —

— Бесится —

— То —
Синее,
То
Розовое, —
— Тонкое
Крыло —

Загрескотавшей
В поле —
— Стрекозы...

И — небо над полями,
Как стекло, —

— До боли —

— Бирюзовое
И звонкое;

И —
— Линия —
— Сквозного
Месяца.

Андрей Белый, 1922–1931

* * *

О бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся, -
Жизняночка и умираючка,
Такая большая - сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О флагом развёрнутый саван,
Сложи свои крылья - боюсь!

*О.Э. Мандельштам, ноябрь 1933 - январь
1934*

МУРАВЬИ

Весь черный собой,
в мураве голубой
встает муравей,
будто поднят трубой.

И черный доспех
на нем и на всех,
и черный шелом
на всех и на нем.

Весь рыжий собой,
в мураве голубой
встает муравей,
будто призван трубой.

И рыжий доспех

на нем и на всех,
и рыжий шелом
на всех и на нем.

И мчится любой
вперед головой, —
недобрый кентавр
в броне боевой.

И рыжий о черный
ударился щит.
Ни вздоха, ни стопа,
война шелестит.

И черное войско,
и рыжая рать,
и рыжие черных
спешат доконать.

Из черных влекут
из чужих волостей
зеленых коров,
черноватых детей.

Копытца, копытца
стучат, шелестят,
домой направляется
рыжий солдат.

Спешит муравой
муравей мировой,
за ним муравей
еще мировой.

Н.Н. Ушаков, 1937

КУЗНЕЧИК

Ночь над гаванью стеклянной,
Над водой горизонтальной...
Ночь на мачты возлагает
Купола созвездий.

Что же ты не спишь, кузнечик?
Металлической ладошкой
По цветам стучишь, по злакам,
По прибрежным якорям.

Ночью мухи спят и маги,
Спят стрекозы и оркестры,
Палачи и чипполино,
Спят врачи и червяки.

Только ты не спишь, кузнечик,
Металлической ладошкой
По бутонам, по колосьям,
По прибрежным якорям.

То ли воздух воздвигаешь?
Маяки переключаешь?
Лечишь ночь над человеком?
Ремонтируешь моря?

Ты не спи, не спи, кузнечик!
Металлической ладошкой

По пылице стучи, по зёрнам,
По прибрежным якорям!

Ты звени, звени, кузнечик!
Это же необходимо,
Чтобы хоть один кузнечик
Всё-таки
звенел!

В. Соснора, 1963.

* * *

Ярославу Смелякову

В детстве мне встретился как-то кузнечик
в дебрях колючек, трав и осок.
Прямо с колючек, словно с крылечек,
спрыгивал он как танцор на носок,
передо мною маячил мгновенье
и исчезал иноходцем в траве...
Может быть, первое стихотворенье
зрело в зеленой его голове.
— Намереваюсь! – кричал тот кузнечик.
— Может ли быть? – усмехался сверчок.
Из-за досок, из щелей, из-за печек
крался насмешливый этот басок.
Но из-за речек, с лугов отдаленных:
— Намереваюсь! – как песня, как гром...
Я их встречал, голубых и зеленых.
Печка и луг им служили жильем.
Печка и Луг - разделенный на части
счастья житейского замкнутый круг,
к чести его обитателей частых,
честных, не праздных, как Печка и Луг,
маленьких рук постоянно стремленье,
маленьких мук постоянно волна...
Пламени этого столпотворенье
не успокоят ни мир, ни война,
ни уговоры его не излечат,
ни приговоры друзей и врагов...
— Может ли быть?! — как всегда из-за печек.
— Намереваюсь! — грохочет с лугов.
Годы прошли, да похвастаться нечем.
Те же дожди, те же зимы и зной.
Прожита жизнь, но все тот же кузнечик
пляшет и кружится передо мной.
Гордый бессмертьем своим непреклонным,
мировоззреньем своим просветленным,
скачет, куражится, ест за двоих...
Но не молчит и сверчок тот бессонный.
Все усмехается.
Что мы для них?

Б.Ш. Окуджава, 1960-е гг.

